С. ГУСЕВ

9-е ЯНВАРЯ 1905 г. и ЛЕНИН

(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 8862. АП № 100. Главлит. № 30813. Москва. Напеч. 10.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип. Москва, Пятницкая, 71.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ 1905 г. и ЛЕНИН.

(Историческая справка.)

История 9-го января 1905 г. — один из крупнейших и поучительнейших уроков для пролетарских партий всех стран.

9-го января 1905 г. рабочие массы Петербурга (так тогда назывался Ленинград) оторвались от единственной революционной рабочей партии РСДРП (так тогда называлась наша партия), беззаветно руководившей в течение десяти лет теоретической, политической и экономической борьбой пролетариата России (так тогда назывался СССР), и пошли за безвестным попом Гапоном.

В течение десяти лет наша партия вела непримиримую борьбу против оппортунистов (германских и французских, а также против русских «легальных марксистов»), борьбу за марксистскую теорию, в которой наша партия, несмотря на ее молодость, уже кое в чем начинала обгонять старую, теоретически высокообразованную германскую соц.-дем. В течение десяти лет наша партия столь же непримиримо боролась против так называемых «экономистов» и против «покрывавших» их «рабочедельцев» (будущих меньшевиков), принижавших роль пролетариата в русской революции и стремившихся превратить его в послушное орудие буржуазии. За эти годы она руководила несколькими

крупными политическими выступлениями, в которых принимали участие широкие рабочие массы (ростовская забастовка 1902 г., летние забастовки на юге России), и неустанно помогала рабочим в их экономических забастовках.

Несмотря на то, что наша партия имела уже эти заслуги в глазах передовых слоев рабочего класса, несмотря на то, что к 1905 г. у нее была широко разветвленная сеть местных нелегальных организаций, несмотря на то, что в эти организации входило немало рабочих, несмотря на то, что технические средства нашей партии (тайные типографии, транспорт нелегальной литературы из-за границы) к этому времени были значительно крупнее, чем в предыдущий период, несмотря на то, что партия уже обладала значительным кадром «профессиональных революционеров», — не ей, а какому-то безвестному попу Гапону принадлежало в первые 10 дней января руководство массовым политическим выступлением петербургского пролетариата.

Именно в этом отрыве масс от партии и партии от масс и заключается весьма важный урок, имеющий значение и для настоящего времени. История послевоенного периода дала нам ряд разнообразных примеров отрыва партии от масс. Вопрос о завоевании рабочих масс коммунистическими партиями стал основным вопросом мировой революции. «Об'ективно» революция назрела в ряде стран, и кое-где появляются признаки ее перезревания. А «суб'ективно» массы еще не готовы к ней. Значительная часть их, большинство, продолжает доверять соц.-дем. партиям, II Интернационалу, который живет старым, накопленным в течение десятилетий политическим капиталом доверия масс (впрочем, быстро растрачивая его и не накопляя нового капитала). Завоевание масс и создание крепкого организо-

ванного авангарда пролетариата (коммунистических партий), штабов революционной борьбы и восстаний, — вот единственное, что нужно теперь для того, чтобы поднять рабочий класс на победоносную революцию. Все остальные условия для такой революции (высокий уровень производительных сил, глубокий, неустранимый хозяйственный кризис в мировом масштабе, обострение борьбы среди врагов пролетариата и назревание угрозы новых войн) имеются налицо.

В этом смысле между 9-м января и современным положением есть некоторая (только некоторая, весьма относительная) аналогия, некоторое сходство. 9-го января наша партия была слаба, массы были не в ее руках, суб'ективно, в своем сознании, они еще для революции не созрели, а потому так легко пошли за первым попавшимся вождем, которого «подкинула» им революция (таких вождей-подкидышей в революциях бывает немало), — пошла по ложному пути и потерпела огромное поражение. Движение 9-го января попало в «чужие» руки.

Как это случилось?

К началу 1905 г. положение петербургских рабочих стало очень тяжелым. Вот как описывал его один из членов правления Балтийского завода, которого, в силу его положения, никак нельзя заподозреть в том, что он представлял дело хуже, чем оно было в действительности:

«Заработную плату большинства рабочих надо признать безусловно недостаточной для «человеческого» существования, и, действительно, по произведенному опросу и собранным через депутатов сведениям, рабочие холостые, получающие в месяц от 17 до 18 рублей, нанимая угол с одной кроватью, на которой помещаются двое, платят в месяц каждый 3 рубля. На пищу,

состоящую утром из чая с черным хлебом, плохого обеда, а на ужин — куска дешевой колбасы с хлебом, расходует 10 рублей, на одежду требуется 4 рубля... итого 17 рублей в месяц. На подати, табак и какие-либо из ничтожных прихотей не остается ничего. Холостой, получающий от 20 до 25 рублей, уже в состоянии нанимать угол один, за который платит от 4 до 5 рублей. Женатый, вдвоем, в крайнем случае с одним ребенком, получающий от 30 до 35 рублей в месяц, нанимает полкомнаты и платит обыкновенно 10 рублей. Семейному же с детьми одна квартира обходится от 15 до 20 рублей в месяц. Эти цифры подтверждают заявления рабочих, что им нечем жить, что они здесь, в Петербурге, бедствуют, голодают, что обстановка их так тяжела, что невольно гонит из дому» (цитата взята из брошюры тов. Макса Гордона «Очерк экономической борьбы рабочих в России»).

Война с Японией вызвала кризис в промышленности и рост безработицы. Нужда среди рабочих становилась все отчаянней.

В середине декабря 1904 г. на Путиловском заводе было уволено четыре рабочих, состоявших членами «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», во главе которого стоял священник Гапон. Руководители «Собрания» решили заступиться за этих рабочих и требовали их обратного приема. Требование это не было удовлетворено. На совещании Нарвского отдела «Союза» (так кратко называли «Собрание») 2-го января, на котором присутствовало до 600 чел., было решено об'явить забастовку всего завода с требованием обратного приема уволенных рабочих и увольнения мастера, который этих рабочих уволил. 3-го января завод забастовал.

Так началось «9-е января».

В течение следующих трех дней к Путиловской забастовке присоединился ряд фабрик и заводов, а 7-го января в Петербурге бастовало до 150 т. рабочих. Возбуждение бастующих возрастало с каждым днем. Отделы «Союза», расположенные в разных районах города, превратились в центры, руководившие забастовкой. В помещениях отделов происходили непрерывные собрания, на которых обсуждались экономические и политические требования рабочих. Гапон бывал во всех отделах, ведя энергичную агитацию и предлагая рабочим итти искать правды у царя. Составлена была петиция, в которой содержалось изложение главнейших нужд рабочих и выдвигался ряд политических требований.

9-го января, около 12 час. дня, рабочие огромными массами двинулись в центр города, к Зимнему дворцу. При входе на главные улицы они были встречены войсками, открывшими по ним стрельбу залпами. Несколько сот убитых и несколько тысяч раненых пали жертвой царской расправы.

Такова краткая история 9-го января.

В течение нескольких дней небольшая экономическая забастовка разрастается в огромное политическое массовое движение, а легальный «Союз», организованный полицией в интересах развращения политического сознания рабочих, становится штабом этого движения.

«Бросается в глаза, — писал г. Ленин на основании сведений о т 8 - г о я н в а р я, — поразительно быстрый переход движения с чисто-экономической почвы на политическую почву, громадная солидарность и энергия десятков и сотен тысяч пролетариев, — и все это, несмотря на отсутствие или ничтожность сознательного соц.-дем. воздействия. Примитивность социал-демократических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых

элементов рабочего класса не уменьшают, а скорее усиливают значение пробивающегося революционного инстинкта пролетариата. Политический протест угнетенного класса и его революционная энергия прорываются через все преграды, — и внешние, в виде полицейских запретов, и внутренние, в виде неразвитости и отсталости идей некоторых вожаков. Работа социал-демократии в течение последних десяти лет и уроки рабочего движения за это время принесли свои плоды, разлив идеи социализма и политической борьбы по самым широким каналам» («Петербургская стачка», «Вперед», № 3).

Петиция, которую 9-го января 1905 г. петербургские рабочие несли царю, начиналась такими словами: «Государь, мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты». А заканчивалась она так: «Повели и поклянись исполнить их (требования рабочих), и сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена; а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и не зачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно принесем ее».

Наивная крестьянская вера в царя-заступника, крестьянская покорность, принесенная петербургскими рабочими из деревни, из которой они сами, или их отцы, были недавними выходцами, еще не порвавшими связи с деревней и полностью еще не освободившимися от «власти земли», — вот та «рамка», в которую были

вставлены рабочие требования, проникнутые, при всей наивности и примитивности социалистических воззрений у некоторых вождей, революционным инстинктом пролетариата. Содержание этих требований представляло, по выражению т. Ленина в той же статье, «чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократии».

Идеологический багаж рабочей массы, направлявшейся 9-го января к царскому дворцу, состоял, таким образом, из смеси отсталых крепостнически-крестьянских и мелкобуржуазных воззрений с примитивным пролетарским социализмом. В идеологию 9-го января мелкая буржуазия внесла реакционную половину своей классовой идеологии, а рабочие — отсталые, неразвитые формы пролетарской идеологии. Идеология 9-го января была идеологией петербургских рабочих, которые одновременно соединяли в себе реакционные взгляды мелкой буржуазии и недостаточно революционные взгляды отсталых слоев пролетариата.

И это было не случайно. В такой крестьянской стране, как Россия, численно слабый и не оторвавшийся еще даже до настоящего времени от крестьянской пуповины пролетариат не мог сделать своей революции без того, чтобы мелкая буржуазия в том или ином виде, в той или иной степени не наложила отпечатка на эту революцию.

Теперь-то, когда мы оглядываемся назад, это вполне очевидно. Да и тогда эту сторону дела мы видели достаточно ясно. Основной задачей социал-демократии до 9-го января 1905 года было именно освобождение пролетариата и его партии (а также его идеологии, в виде программы РСДРП, и тактики) от реакционных мелкобуржуазных влияний. Вся борьба с народниками и эсерами заострялась на вопросе о самостоятельной

рабочей партии, ведущей свою самостоятельную политику и действующую своими пролетарскими методами борьбы. Эсеры на все лады воспевали необходимость об'единения всех революционных сил, слияния с.-д. с эсерами и освобожденцами (будущими кадетами). Они теоретически доказывали, что никакой разницы между рабочими и крестьянами нет, что и те и другие «страдают», а значит, и интересы у них одинаковые. Как главный метод борьбы против царизма, они проповедывали индивидуальный террор.

Русский пролетариат еще в течение многих лет не мог освободиться от тяжелого груза мелкобуржуазных взглядов, которые стихийно навязывала ему стомиллионная крестьянская масса, он не освободился от них полностью даже и теперь. Но без избавления от наиболее реакционных составных частей мелкобуржуазной идеологии он не мог двигаться вперед, не мог вести своей революционной борьбы.

9-е января было первым крупным этапом на этом пути. 9-го января русский пролетариат освободился от самой реакционной мелкобуржуазной идеи, в которой еще сильно звучали крепостнически-крестьянские отголоски. 9-го января была разрушена вера в царя.

«Всего более поражаешься, — писал т. Ленин дня через три-четыре после 9-го января («Царь-батюшка и баррикады», «Вперед», № 4), — этим сочетанием наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбой с оружием в руках против царской власти. Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата... Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах

мужицкой жизни укрепляли эту веру (веру в царя). Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев-социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплоатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли итти на восстание, они способны были только просить и умолять».

Урок, данный царем 9-го января рабочим на улицах Петербурга, быстро отрезвил их от гапоновского похмелья.

Не прошло и месяца, как те же рабочие во время кампании против комиссии Шидловского от Гапона перешли к нашей партии. Эта комиссия была такой же полицейской ловушкой, как и гапоновское «Собрание», задуманной в целях мелкими экономическими уступками задобрить и успокоить рабочих.

Петербургский комитет нашей партии решил, учитывая гапоновский опыт, до последних пределов использовать эту новую «легальную возможность», выставляя в то же время полностью все политические и экономические требования нашей программы-минимум и тем самым разоблачая этот новый обман рабочих. Те самые петербургские рабочие, которые 9-го января шли с наивной верой в царя за Гапоном, в феврале следовали за нашей петербургской организацией [1]) и в кратчай-

[1]) В письмах к т. Ленину из Петербурга, относящихся к этому периоду и недавно найденных в архивах, я писал о комиссии Шидловского: «Ура! ПК может гордиться: весь его план, все

шій срок вынудили царя отказаться от этой новой полицейской затеи. (Подробнее смотри об этом в моей заметке по поводу протоколов заседаний ПК нашей партии в «Пролетарской Революции».)

«Смычка» между партией и массами была установлена. Партия «нашла» массы. Массы «нашли» свою партию.

* * *

Какова масса, таковы и вожди.

Затяжная война с Японией, принесшая царской армии ряд потрясающих поражений, и вызванный ею хозяйственный кризис глубоко взволновали рабочую массу и разбудили политическую мысль в самых отсталых ее слоях. Косвенным путем, через деревню, которая поставляла солдат для царской армии и целиком на себе несла кровавые жертвы войне, рабочие массы болезненно воспринимали бедствия войны. А хо-

---

его резолюции, вся тактика, намеченная им, даже в деталях,— все это блестяще прошло. О первых выборах вам я уже писал. Даже из тех неполных сведений, которые я вам сообщил, видно, как велико было влияние ПК во время выборов. Наши резолюции принимаются всюду. Затем обе резолюции проходят и на предварительных совещаниях выборщиков. Наконец, из вырезок, посланных вчера, вы увидите, что опять-таки принята всеми выборщиками наша резолюция. А из сегодняшней вырезки вы увидите, что весь план Комитета был блестяще доведен выборщиками (390 человек, избранных почти всеми петербургскими рабочими. Это не шутка! Все петербургские рабочие теперь у нас в руках, под нашим влиянием) до конца. Выборщики, возмущенные ответом Шидловского, постановили всеобщую забастовку и разошлись с криком: «Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание!». (Переписка, из которой я заимствую эту цитату, будет полностью опубликована в «Пролетарской Революции». В дальнейшем изложении мне придется дать еще несколько выдержек из этой переписки.)

зяйственный кризис, усиление безработицы и рост дороговизны (особенно в столицах) непосредственно ударяли по интересам рабочих масс.

Соц.-дем. партия до января 1905 г. была партией очень тонкого слоя передовых, более сознательных рабочих. Лишь изредка обстоятельства давали ей случай выйти из подполья и связаться непосредственно с широкими рабочими массами (ростовская забастовка 1902 г., летние забастовки 1903 г. на юге России).

Поднявшиеся, благодаря войне и кризису, отсталые слои пролетариата, делавшие первый шаг на пути политической борьбы, не могли сразу примкнуть к соц.-дем. партии (которая к тому же была сильно ослаблена как непрерывными полицейскими преследованиями, так и особенно начавшейся после 2-го с'езда острой борьбой между большевиками и меньшевиками). Для этих отсталых слоев, еще находившихся в плену у самых реакционных мелкобуржуазных предрассудков, наша партия была слишком революционной.

Свой штаб, своих руководителей и вождей отсталые рабочие массы нашли в лице зубатовской организации, основанной в 1903 г. священником Гапоном.

Зубатовские рабочие организации, получившие широкое распространение в 1901—1903 гг., пережили в эти годы свою историю, бывшую как бы репетицией 9-го января. Основываемые агентами охранки, они ставили себе задачей союз рабочих с самодержавием для «борьбы» против капиталистов. Этот полицейский социализм был призван заменить социализм, который несла в рабочие массы соц.-дем. Зубатовцы брали на себя руководство забастовками (чем, понятно, вооружали против себя капиталистов) и этим увлекали за собой рабочие массы. Но положение руководителей вынуждало их итти гораздо дальше той цели, кото-

рую они себе ставили первоначально, — удержать рабочие массы от выступлений. Рабочие массы шли в их организации не для душеспасительных бесед о свойствах бога и его сердца и не ради лекций по естествознанию, которыми зубатовцы их прикармливали, а для действительного улучшения своего экономического положения. Удержать рабочих, попавших в зубатовские организации, можно было только реальным отстаиванием их интересов. Полицейский социализм перерастал в действительную экономическую борьбу. Рабочие вынуждали своих руководителей широко, вплоть до всеобщих забастовок (напр., в Одессе в 1903 г.), развертывать борьбу за экономические интересы рабочих. А это, в свою очередь, неминуемо вело к постановке самими рабочими ряда политических вопросов.

На этой стадии развития зубатовцы срывались и проваливались в бездну небытия.

Оценку зубатовщины тов. Ленин дал еще в своей брошюре «Что делать?» в 1901 г.

«Легализация не-социалистических и не-политических рабочих союзов в России, — писал он, — уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социалистического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации, — попытки, исходящие, главным образом, от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не сможем отныне не считаться с этим течением. Как считаться, об этом среди соц.-дем. вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие

Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и раз'яснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительские, «гармоничные» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь через посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные. Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что, в конце-концов, легализация рабочего движения принесет большую пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей облпчительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница — это привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.), и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь. Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства, или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом»), мы уж позаботимся о вашем разоблачении. Поскольку вы делаете действительный шаг вперед, — хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед, — мы скажем: сделайте одолжение. Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное, расширение простора для рабочих. А вся-

кое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких легальных обществ, на котором не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов... Итак, посредством легализации решать вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации мы не можем».

Эта оценка была полностью подтверждена всей дальнейшей историей зубатовщины.

Наша партия к 9-му января имела уже обширный и разнообразный опыт борьбы с зубатовщиной. Поэтому политических трудностей для петербургской организации в вопросе о гапоновщине, представлявшей очень широкое повторение зубатовщины, не было. Мы знали, мы были твердо убеждены в том, что массы, в конце концов, придут к нам. Но видеть, что рабочие массы идут не к нам, а к Гапону, было мучительно трудно, невыносимо. «Проклятый Гапон», вырывается у меня в письме тов. Ленину от 5-го января. «Этот о. Гапон,— писал я дальше, — несомненнейший зубатовец высшей пробы. Хотя прямых данных к тому не имеется, но уже один тот факт, что Гапона за его речи не арестуют и не высылают (в то время, как Новикову, бакинскому городскому голове, предложено выехать из П. за его речи на банкетах), говорит лучше всяких данных. Кроме того, о. Гапон не упускает случая, чтобы так или иначе дискредитировать соц.-дем. О. Гапоном увлекаются не только серые рабочие, но даже сознательные рабочие соц.-дем., даже организованные, — больше того: даже некоторые юные интеллигенты из соц.-дем. организации допускают мысль, что о. Гапон — «идеалист». Теперь положение таково, что или «идеалист» из охранного отделения, или соц.-дем.».

Эти цитаты достаточно ярко характеризуют трагизм положения нашей петербургской организации: она видела, что нарастает революция («движение обещает разрасться до грандиозных размеров», говорилось в том же письме), и в то же время для нее было несомненным, что эта революция ускользает из ее рук. Оставался один только исход — поставить на карту все: «приходится двинуть все силы, хотя бы и пришлось их ухлопать целиком на стачку, потому что положение обязывает спасать честь соц.-дем. Спешно нужны люди, которые могли бы заместить нас». Так характеризовало письмо положение, которое создалось к 5-му января.

Тов. Ленин отнесся к создавшемуся положению с величавым спокойствием дальновидного вождя. В цитированной уже нами статье «Петербургская стачка» («Вперед», № 3) он писал: «Движение зубатовское перерастает свои рамки (напоминаем, что статья писана на основании сведений от 8-го января) и, начатое полицией в интересах полиции, в интересах поддержки самодержавия, в интересах развращения политического сознания рабочих, это движение обращается против самодержавия, становится взрывом пролетарской классовой борьбы. Соц.-дем., — продолжает тов. Ленин, — давно уже указывали на неизбежность таких результатов нашей зубатовщины. Легализация рабочего движения, говорили они, принесет непременно пользу нам, соц.-дем., она втянет в движение некоторые особенно отсталые слои рабочих, она поможет встряхнуть тех, кого не скоро, а может-быть, и никогда не стряхнул бы агитатор-социалист. А, раз втянутые в движение, заинтересованные вопросом о своих судьбах, рабочие пойдут дальше. Легальное рабочее движение будет только новым, более широким основанием для соц.-дем рабочего движения».

В оценке гапоновщины тов. Ленину не пришлось прибавить ничего по существу нового, по сравнению с тем, что он сказал в 1901 г. Обращает, однако, внимание «заостренность» формулировки 1905 г.: «Легализация... поможет встряхнуть тех, кого не скоро, а может-быть, и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист».

Это «никогда» особенно характерно. Тов. Ленина больше всего в связи с 9-м января занимает мысль о том, как поднять отсталые слои рабочей массы, как втянуть их в движение, как встряхнуть их. Одними силами социал-демократической рабочей партии (теперь мы сказали бы: коммунистической партии) это сделать невозможно. Рабочую массу вынуждены втягивать в политику, встряхивать, просвещать, вносить в нее «культуру», приучать к самодеятельности и прививать организационные навыки все другие, буржуазные партии, вплоть до социалистов из охранки. Им гораздо легче это сделать, чем коммунистам. И эту их работу коммунисты должны использовать в своих целях, для вовлечения этих, уже «обработанных» другими партиями, рабочих в ряды своей партии. Нельзя «просто» отрицать, отвергать, отлучать от коммунизма отсталые рабочие массы, раз они идут в другие, враждебные коммунизму партии. Наоборот, надо из этих рабочих, получающих первоначальное политическое обучение у других партий, отбирать все лучшее и переводить в коммунистическую партию. Надо использовать эту работу буржуазных партий для целей коммунизма, надо заставить их «служить» коммунистической партии.

Но это возможно только при условии строгого и неуклонного проведения правильной коммунистической политики. Если нельзя отгораживаться, из боязни запятнать свою коммунистическую чистоту, от отста-

лых рабочих масс, когда они идут в полицейские организации, в христианские или в желтые профсоюзы, в меньшевистские партии II Интернационала, то столь же недопустимо принижать коммунистическую партию до уровня отсталых рабочих масс в целях таким способом вовлечь их в свои ряды, а тем более заигрывать с зубатовщиной и «примазываться» к массовым движениям методами, близкими к зубатовским.

«Как бы там ни было (провокатор Гапон, или нет), — писал тов. Ленин через несколько дней после 9-го января («Революционные дни», «Вперед», № 4), — тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо, во всяком случае, энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов. Такой тактики держались... и наши товарищи из Петербургского комитета РСДРП».

В № 6 «Вперед» («Две тактики») тов. Ленин вновь повторяет эту характеристику: «Мы говорили в № 4, — пишет он, — о верной тактике петербургских комитетчиков, направивших все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному зубатовскому тылу этой стихии».

Вопрос о тактике коммунистических партий в использовании работы других партий и организаций, а также так называемых «легальных возможностей», как и вопрос о сочетании легальной и нелегальной работы коммунистов (что представляет только другую форму разбираемого нами вопроса), неоднократно привлекал внимание тов. Ленина. Напомним его полемику по этим вопросам с «отзовистами», отрицавшими использование

«легальных возможностей», и одновременную острую борьбу против ликвидаторов, отрицавших использование «нелегальных возможностей».

Наиболее острую и на первый взгляд парадоксальную формулировку он придает этому вопросу в своей работе: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в 5-ой главе («Левый» коммунизм в Германии. Вожди — партия — класса — масса»). Относительно пробравшегося в ЦК нашей партии провокатора Малиновского он пишет там: «Если он (Малиновский) не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член ЦК партии и депутат думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащим образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу. Над этим фактом не мешает хорошенько подумать тем немецким (а также английским и американским, французским и итальянским) товарищам, которые стоят перед задачей вести революционную работу в реакционных профсоюзах».

— Вскоре после 9-го января вопрос о вовлечении в нашу партию новых сил, прошедших через руки Гапона, либералов, демократов и меньшевиков, стал перед нами в очень острой форме: «События пробудили массу сил», — писал я тов. Ленину. Но трудность заключалась в том, чтобы эти новые силы пристроить к работе. Старые формы нелегальной организации, ста-

рые методы работы, сконцентрированной в руках профессиональных революционеров (пропагандистов, агитаторов, организаторов) и двух-трех сотен организованных рабочих, стояли препятствием к использованию новых сил, далеко не столь опытных и далеко не столь подготовленных к работе, как прежние кадры нашей партии. «Можно было бы, — писал я, — включить теперь в наши организации массу хороших рабочих, жаждущих работы. Но мне не ясно, какие именно функции они могли бы выполнять. Содержание нашей работы было до сих пор так узко, что эту противоречивую формулу: «людей много, и людей нет» фактически испытываешь в виде тяжелого и трудного вопроса, чисто-организационного, чисто-практического: куда девать такую-то молодежь, какую работу ей дать, что дать совершенно неопытной зеленой молодежи, какие функции создать для новых рабочих, которые не могут быть в настоящем смысле слова ни организаторами, ни пропагандистами, ни агитаторами. На практике эта противоречивая формула превращается в другую противоречивую формулу: «работы масса, и работы нет». Трудненько выпутаться из этого противоречия, особенно, когда тут же рядом сидят дезорганизаторы, мешающие систематической работе» (т.-е. меньшевики).

На эти и подобные вопросы, возникавшие в практической работе наших организаций, тов. Ленин ответил в № 9 «Вперед» блестящей статьей «Новые задачи и новые силы».

«Особенно интересует нас, с точки зрения теперешних задач, — писал тов. Ленин в этой статье, — вопрос об освобождении революционеров от части их функций. В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу культурнической работы или занимать свои силы почти одной экономической агитацией. И вот

одна такая функция за другой все более переходит в руки новых сил, более широких слоев, привлекаемых к движению. В руках революционных организаций все более сосредоточивалось дело настоящего политического руководства, дело указания социал-демократических выводов из проявлений рабочего протеста и народного недовольства... Теперь либералы и легальная печать делают массу той «подготовительной» работы, которая до сих пор слишком занимала наши силы... Конечно, в этой подготовительной работе есть и плевелы и пшеница; конечно, социал-демократам придется теперь все больше и больше уделять внимания борьбе с влиянием на рабочих буржуазной демократии. Но именно такая работа и будет заключать в себе гораздо больше действительно социал-демократического содержания, чем прежняя наша деятельность, направленная, главным образом, к пробуждению политически-бессознательных масс... Чем больше работает на-руку нам независимо от нас идущая демократическая пропаганда и агитация, тем важнее организованное руководство социал-демократии для охраны независимости рабочего класса от буржуазной демократии».

Но теперь, после 9-го января, вопрос о привлечении новых сил уже не исчерпывается задачей переложить работу по пробуждению политически-бессознательных масс на другие партии.

«Революционная эпоха, — продолжает тов. Ленин, — для социал-демократии все равно, что военное время для армии. Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды

менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров простыми солдатами, ускорять и упрощать производство солдат в офицеры... Это не значит, разумеется, чтобы следовало оставить в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма. Нет, но надо помнить, что теперь гораздо большее значение в деле подготовки и обучения имеют самые военные действия, которые учат неподготовленных именно в нашем и всецело в нашем направлении... Не об обслаблении нашей соц.-демократической требовательности, нашей ортодоксальной непримиримости идет речь, а об укреплении той и другой новыми путями, новыми методами обучения. В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях... Больше простора самым разнообразным предприятиям самых различных групп и кружков, памятуя, что верность их пути, кроме наших советов, обеспечивается неумолимыми требованиями самого хода революционных событий».

Революционная эпоха подымает огромную массу новых сил.

«Тысячи кружков, — писал тов. Ленин в той же статье, — возникают теперь повсюду, помимо нас, без всякой определенной программы и цели, просто под влиянием событий... Никогда не было у революционного класса таких необычайно благоприятных условий в отношении временных союзников, сознательных друзей, невольных пособников, как у современного русского пролетариата».

Временные (до известной стадии развития революции) союзники, невольные пособники (в лице буржуазно-демократических партий), наконец, сознательные друзья (не входящие в партию, но сознательно помогающие ей, примыкающие к ней) — вот раз-

личные силы, которые партия может использовать в революционную эпоху.

«Людей масса, и людей нет!», — восклицает тов. Ленин, переходя к непосредственно организационным вопросам, — в эту противоречивую формулу укладывались уже давно противоречия организационной жизни и организационных запросов социал-демократии».

И выход из этого противоречия в том, чтобы дать в партии место «молодым силам, у которых энергия может возместить нередко недостаток опытности». «Надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии», — таков основной практический вывод, который тов. Ленин дает в этой статье.

*
* *

Использование работы буржуазных партий по просвещению и организации отсталых слоев рабочего класса имеет, понятно, и опасные стороны. Все дело в том, кто кого использует, — коммунисты ли буржуазные партии, или, наоборот, буржуазные партии коммунистов.

Тов. Ленин останавливается на этом вопросе в статье «Должны ли мы организовать революцию?» («Вперед», № 7), через три недели после январских событий. Он цитирует передовую статью «Искры».

«Попробуйте, — продолжает он, — шаг за шагом проследить ее рассуждения: «Сознательный пролетариат, опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает

момент кануна революции»... (Цитата из «Искры»). Очень хорошо! Но использовать все элементы и значит взять всецело на себя руководство. «Искра» (которая была против такой роли пролетариата в революции. *С. Г.*) побивает сама себя и, чувствуя это, спешит добавить: «...нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отнимают у него долю технического руководства самой революцией и, таким образом, волей-неволей посодействуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы». Вы понимаете что-нибудь, читатель? Использовать все элементы, не смущаясь тем, что они отнимают долю руководства!!?? Побойтесь бога, господа: если действительно мы используем все элементы, если действительно наши требования перенимаются теми, кого мы используем, тогда они не отнимают у нас руководства, а принимают наше руководство. Если же все эти элементы действительно отнимают у нас руководство (и, конечно, не «техническое» только, ибо отделение «технической» стороны революции от политической есть величайший вздор), тогда, значит, не мы их используем, а они нас используют».

И дальше на конкретном примере тов. Ленин иллюстрирует вопрос о том, кто кого использует.

В упомянутой передовице «Искра» писала: «Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который поведет народные массы в последний бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Приведя эту цитату, тов. Ленин продолжает:

«Да, мы тоже будем рады этому, но мы желали бы, чтобы чувство радости по поводу возможных приятностей не затемняло нашей логики. Что значит: русская революция обогатится священником или генералом? Это значит, что священник или генерал станут сторонниками или вожаками революции. Эти «новички» могут быть вполне сознательными сторонниками революции или не вполне. В последнем случае (наиболее вероятном по отношению к новичкам) мы должны не радоваться, а печалиться их несознательности и всеми силами исправлять, пополнять ее. Пока мы этого не сделаем, пока масса идет за малосознательным вожаком, приходится сказать, что не социал-демократы используют все элементы, а все элементы используют ее. Сторонник революции, вчерашний священник или генерал, или чиновник, может быть полным предрассудков буржуазным демократом, и, поскольку за ним пойдут рабочие, постольку буржуазная демократия «использует» рабочих. Ясно ли вам это, господа новоискровцы? Если ясно, так зачем вы боитесь того, чтобы вполне сознательные (то-есть социал-демократические) сторонники революции брали на себя руководство? Зачем боитесь вы того, чтобы офицер, социал-демократ (я беру нарочно аналогичный вашему пример) и член социал-демократической организации, по почину и поручению этой организации, взял на себя, «взял всецело в свои руки» функции и задачи вашего предполагаемого генерала?»

Ясно: гарантия того, чтобы не буржуазные партии использовали коммунистов, а наоборот, коммунисты использовали буржуазных демократов, заключается в том, чтобы обеспечить коммунистическим партиям руководство революцией, максимально переложив на эти партии всю черновую, предварительную, подготови-

тельную работу по политическому пробуждению масс и сосредоточив в своих руках одну единственную важнейшую, решающую задачу по руководству революцией (политическому и техническому), по ее организации. Если в подготовительный к революции агитационный период задача коммунистической партии — сосредоточить в своих руках дело настоящего политического руководства путем указания массам коммунистических выводов «из проявлений рабочего протеста и народного недовольства», т.-е. задача агитационная, то во время революции это политическое руководство превращается в непосредственное руководство революцией. «Революционная эпоха для социал-демократии все равно, что военное время для армии». Война есть продолжение политики, но другими, насильственными средствами. Революция есть политическая война, т.-е. осуществление политики революционной партии путем насилия. И именно на этой задаче партия должна сосредоточить все свои силы, освободив себя от других функций, переложив их на другие партии. Таким способом партия более всего обеспечивает себя от опасности быть использованной другими партиями и, наоборот, создает для себя возможность использовать работу других партий.

«С революциями умные, истинно государственные люди вообще не борются, — писал в начале марта 1905 года вождь русских буржуазных либералов Петр Струве по поводу 9-го января («Освобождение», № 7). — С революциями умные, истинно государственные люди не борются. Или иначе: единственный способ борьбы с революцией заключается в том, чтобы стать на ее почву и, признав ее цели, стремиться изменить только ее методы». Это — зубатовский рецепт борьбы с революцией: «стать на почву

революции», т.-е. взять в свои руки руководство ею, для этого лицемерно (о чем Струве умалчивает) «признать ее цели» и «изменить ее методы», т.-е. превратить ее из революции в реформу, в обман восставших масс. Так действовали буржуазные демократы всех стран во всех революциях (кроме разве великой французской революции). Этот же зубатовский метод борьбы с революцией пущен был в ход германскими меньшевиками в 1918 году и стал основным методом всей их дальнейшей политики.

Зубатовский метод борьбы с революцией, рекомендованный Струве, — опасный, обоюдоострый, двусторонний метод. Зубатов на нем сорвался. Но он опасен не только для Зубатовых, он опасен в одинаковой степени и для революции.

Кто сумеет взять в свои руки руководство революцией, тот сумеет использовать все другие ее силы.

В настоящую эпоху это относится не только к западным, но и к восточным революциям.

*
* *

К вопросу об использовании других партий теснейшим образом примыкает вопрос о боевых соглашениях с ними, неминуемо выдвигаемый каждой революцией. На этот вопрос тов. Ленин отвечает в статье «О боевом соглашении для восстания», помещенной в № 7 газеты «Вперед», в связи с воззванием Гапона к социалистическим партиям России и эсеровскими стенаниями насчет «братоубийственной вражды» между «революционно-социалистическими фракциями» («Рев. Россия», № 58) и необходимости «сбережения революционных сил и увеличения их действия путем согласованного натиска».

«Силы сберегаются, — поучает эсеров тов. Ленин, — единой, дружной, принципиально согласной организацией, а не склеиванием разнородного... История революционных эпох дает слишком, слишком много примеров гигантского вреда от скоропалительных и незрелых опытов «боевого единения», склеивающего для взаимных трений и горьких разочарований разнороднейшие элементы в комитетах революционного народа. Мы хотим воспользоваться уроком этой истории... Мы видим в самостоятельной, непримиримо марксистской партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний».

И далее, отвечая на обращение Гапона, тов. Ленин замечает:

«Мы приветствуем то, что Г. Гапон говорит именно о «соглашении», ибо только сохранение полной принципиальной и организационной самостоятельности каждой отдельной партии может сделать попытки их боевого единения небезнадежными. Мы должны быть очень осторожны с этими попытками, чтобы не портить дела никчемным связыванием воедино разнородного. Нам неизбежно придется getrennt marschieren (врозь итти), но мы можем не раз и мы можем именно теперь vereint schlagen (вместе ударять)... Во имя революции наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, оттенки слились в один революционный хаос. Напротив, рост и расширение революционного движения, приближение его к бо́льшим и бо́льшим глубинам различных классов и слоев народа вызовет неизбежно (и хорошо, что вызовет) новые и новые направления и оттенки. Только полная ясность и определенность в их взаимоотношении между собой и в их отношении к позиции рево-

люционного пролетариата могут обеспечить наибольший успех революционного движения. Только полная ясность взаимоотношений может обеспечить успех соглашения для достижения общей ближайшей цели».

То строжайшее условие, которое тов. Ленин ставил для соглашения, а именно «полная принципиальная и организационная самостоятельность» входящих в соглашение партий (и, понятно, прежде всего и больше всего самостоятельность нашей партии), — это условие, которое вынудило его уйти с организованного Гапоном совещания 18-ти революционных партий, ни в малейшей степени не противоречит одновременно выставленной тов. Лениным задаче «расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций», «создать и укрепить непосредственное отношение с возможно бо́льшим числом таких кружков», которые тысячами возникают в периоды революционного под'ема «без всякой определенной программы и цели». Одно дело — расширение рамок партии, другое дело — сохранение ею при этом полной принципиальной и организационной самостоятельности. Кажущееся противоречие между этими задачами «покрывается» исключительно быстрым в революционные эпохи ростом политической сознательности и революционной самодеятельности масс. Только поэтому и становится возможным в такие эпохи широкое привлечение молодых сил, «у которых энергия может возместить нередко недостаток опытности», с одновременным сохранением и более того — укреплением принципиальной и организационной самостоятельности партии.

Партия — лишь передовой отряд пролетариата, руководящий огромными рабочими массами, а в революционные эпохи — политический и военный штаб революционных масс. Быстрое расширение рамок партии в мо-

мент революционного под'ема ни в коем случае не означает, что партия включает в свои ряды весь рабочий класс. Нет, она только «вычерпывает» из рабочей массы быстро созревающие во время революции передовые элементы. Массу же она охватывает через ряд подсобных организаций (советы, профсоюзы, а также и другие партии).

Включение новых сил и боевые соглашения с другими партиями вовсе не означают стирания границ партии. Наоборот, по мере роста революции охрана границ партии становится все более важным делом. Только партия, сохранившая полную свободу революционных действий, не связавшая себе рук никакими обязательствами, которые могли бы стеснить размах ее революционной инициативы, может действительно стать во главе революции, двигать ее вперед, тащить ее за собою, «управлять» ею, руководить ею, организовывать ее, помогая массам подыматься с одной ступени на другую, оберегая их от ошибок и становясь, таким образом, действительным вождем революции.

Принципиальная и организационная самостоятельность коммунистической партии — не препятствие для руководства и организации ею революции, а необходимейшее условие.

Статья тов. Ленина: «Новые задачи и новые силы», вызванная январскими событиями, проникнута глубокой верой в революционный инстинкт масс. Эта вера в массы и их революционное творчество красной нитью пронизывает всю революционную деятельность тов. Ленина и является одной из характернейших черт его взглядов на революцию.

«Революция — праздник угнетенных и эксплоатируемых, — писал он в известной своей брошюре — «Две тактики» (июнь 1905 г.). — Никогда масса народа не спо-

собна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе».

Только при таком глубочайшем доверии к революционной самодеятельности масс в революционные эпохи можно было ставить вопрос о вовлечении новых сил и об использовании других партий так, как его ставил тов. Ленин в связи с январскими событиями.

Неудивительно поэтому, что в первой же статье после 9-го января, писанной, повидимому, между 12-м и 15-м января («Револ. дни», «Вперед», № 4), тов. Ленин поет гимн массам: «В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия, — пишет он. — Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, ничто и никогда не сравнится по своему значению

с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе революционной борьбы».

Но преклонение пред самодеятельностью масс вовсе не означало у тов. Ленина преклонения пред в с я к о й самодеятельностью масс. И этот вопрос пришлось поставить и разрешить в связи с январским выступлением петербургского пролетариата.

В цитированной уже нами статье «Две тактики» («Вперед», № 6), отвечая меньшевикам, тов. Ленин писал: «Есть самодеятельность и самодеятельность. Есть самодеятельность пролетариата, революционно инициативного, и есть самодеятельность пролетариата, неразвитого и ведомого на помочах; есть самодеятельность сознательно-социал-демократическая и самодеятельность зубатовская. И есть социал-демократы, которые в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самодеятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленное количество раз слово «классовый». Возьмите № 84 «Искры». «Почему, — с победоносным видом наступает на нас ее «передовик», — почему не узкая организация профессиональных революционеров дала толчок движению этой лавины (9-го января), а собрание рабочих? П о т о м у, ч т о с о б р а н и е э т о б ы л о д е й с т в и т е л ь н о (с л у ш а й т е!) ш и р о к о й о р г а н и з а ц и е й, о с н о в а н н о й н а с а м о д е я т е л ь н о с т и р а б о ч и х м а с с». Если бы автор этой классической фразы не был поклонником Мартынова, то он, может-быть, понял бы, что собрание сослужило службу движению революционного пролетариата именно тогда и постольку, когда и поскольку от самодеятельности зубатовской оно перешло к самодеятельности социал-демократической (после чего оно сейчас же и перестало существовать, как легальное собрание).

В статье «Первая победа революции», писанной 19-го октября 1905 г. по поводу Октябрьской революции, закончившей начатый 9-го января первый период русской революции, тов. Ленин завершил свое учение о роли масс следующим замечательным выводом: «Успех революции зависит от размеров тех масс пролетариата и крестьянства, которые поднимутся на ее защиту и за ее окончание. Революционная война отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних сторонников царизма или людей, слепо шедших за царизмом».

Этот вывод представляет наиболее широкое обобщение всего того, что писал тов. Ленин о путях, которыми идет мобилизация масс в революционные эпохи.

Учение тов. Ленина о роли масс в революции, выведенное им из опыта первого периода первой русской революции, — периода, когда массы только подымаются на восстание, — сохраняет свою силу для всех и всяческих, настоящих и будущих революций.

* * *

Мы уже видели, что вопрос о массах, выступающих в революционные эпохи на арену истории в качестве непосредственных ее участников и творцов новых общественных форм, тесно связан с вопросом о руководстве ими, об обеспечении правильных путей для развития их революционной самодеятельности, о подымании этих масс на все более высокие ступени развивающейся революции, — короче, об организации революции.

Что значит организовать революцию?

На этот вопрос тов. Ленин дает ответ в статье: «Должны ли мы организовать революцию?» («Вперед», № 7).

Меньшевистская «Искра» поместила в № 85 большевистскую статью Парвуса (с оговоркой, что редакция не во всем согласна с Парвусом) по поводу январских событий. «Был герой, — писал Парвус, — но не было политического руководителя, не было программы действий, не было организации... Оказались трагические последствия отсутствия организации... Массы раз'единились, все идет вразброд, нет связывающего центра, нет руководящей программы действий... Движение пало вследствие отсутствия связывающей и руководящей организации».

И Парвус дает лозунг: «организовать революцию». Но как организовать?

«Мы не можем, — говорит он, — при настоящих политических условиях организовать эти сотни тысяч. Но мы можем создать организацию, которая являлась бы связующим ферментом и в момент революции об'единила бы вокруг себя эти сотни тысяч. Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: подготовить массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Эти слова Парвуса дают тов. Ленину повод для убийственно едкой критики меньшевистской «Искры», особенно в связи с ее путаным лозунгом «развязать революцию», который она противопоставила лозунгу «организовать революцию».

«Да, читатель, — говорит тов. Ленин по поводу этого искровского лозунга, — именно такой лозунг дан нам в передовице «Искры». Очевидно, по нынешним временам достаточно «развязать» себе язык для свободной

болтовни-процесса или для процесса болтовни, чтобы писать руководящие статьи. Оппортунисту всегда нужны такие лозунги, в которых по ближайшем рассмотрении не оказывается ничего, кроме звонкой фразы, кроме какого-то декадентского словесного выверта».

«Парвус, — продолжает тов. Ленин, — признает невозможным организовать теперь сотни тысяч и выдвигает на первый план задачу «создать организацию, которая являлась бы связующим ферментом». ...Да, ведь, организация в качестве связующего фермента — это есть организация профессиональных революционеров».

Наша партия к 1905 г. именно и сложилась по плану, разработанному тов. Лениным в брошюре «Что делать?» (1901 г.), как нелегальная, конспиративная организация профессиональных революционеров. Но к январю 1905 г. эта организация была сильнейшим образом расшатана дезорганизаторской работой меньшевиков.

Об этой работе меньшевиков и говорит тов. Ленин в конце своей статьи:

«Вернемся к Парвусу, — пишет он. — Он кончает свою прекрасную статью прекрасным советом: «выбросить за борт» дезорганизаторов. Устранение дезорганизаторов... есть самый страстный и самый решительный лозунг большинства русских социал-демократов... Надо не говорить только об этом, а сделать это. Надо немедленно созвать с'езд всех партийных работников, желающих организовать партию».

Борьба за III с'езд партии, тянувшаяся уже полтора года и в декабре 1904 г. перешедшая в новую фазу (организованный к этому времени большевистский ЦК — бюро комитетов большинства — начал, вопреки воле партийных центров, подготовку с'езда), особенно обострилась после 9-го января.

Это была борьба за организацию революции, борьба за «организацию профессиональных революционеров», которая должна была взять на себя роль штаба революции.

Одной из важных причин, почему январское выступление петербургского пролетариата прошло мимо соц.-демократической партии, было именно дезорганизованное состояние петербургской организации.

В конце ноября и в начале декабря меньшевики, сорвавшие назначенную ПК на 28-е ноября демонстрацию и этим нанесшие огромный вред партии, откололись от ПК и образовали самостоятельную организацию. Одновременно образовалась и третья соц.-демократическая организация — «примиренческая», хотя и незначительная, но также содействовавшая общей дезорганизации наших сил. Силы эти были в общей сумме невелики, — всего 600 — 700 организованных в кружки рабочих. Разделение же их между большевиками (около 300 чел.), меньшевиками (тоже около 300) и примиренцами чрезвычайно ослабило их.

Откол меньшевиков от партии послужил сигналом к исключительно обостренной фракционной борьбе. Три четверти сил и времени тратились на непрерывные дискуссии, притом по преимуществу не по принципиальным вопросам, а по различным склочным делам.

Примиренческий ЦК, находившийся в плену у меньшевиков, еще больше увеличивал дезорганизацию.

Борьба за III с'езд партии была центральным вопросом дискуссии. Несмотря на то, что большинство партии высказалось за созыв с'езда, ЦК под всяческими предлогами оттягивал решение этого вопроса. Заграничный же совет партии, в котором Плеханов, Аксельрод и Мартов составляли меньшевистское большинство, вел бешеную борьбу против созыва с'езда.

Дезорганизаторская работа меньшевиков, созыв III с'езда и необходимость возможно скорее собрать расстроенные расколом большевистские силы и создать в Петербурге крепкую нашу организацию составляют главное содержание той переписки с тов. Лениным, о которой я уже говорил.

В конце января тов. Ленин прислал мне письмо, в котором со свойственным ему нажимом «костил» ПК за его бездеятельность. Письмо это не найдено, но о характере его и о содержании можно судить по моему ответу. «А где было меньшинство? — говорится в моем письме по поводу комиссии Шидловского. — Где были дееспособные, захватившие в свои руки все (!!) петербургские районы? Где были те, которые своей самодеятельностью пленили даже сердце старого волка Ленина, который стал кричать, что ПК «проворонил» Петербург, что мы превратимся в старую деву и т. д.? Где были те, по стопам которых старый волк, до сих пор еще не научившийся не доверять ни единому слову нового «Рабочего Дела» (т.-е. меньшевистской «Искры»), до сих пор еще не подозревающий в своей наивности, что там все, от первой до последней буквы, пропитано фальшью, обманом, ложью, выдумкой и т. д., рекомендовал нам следовать, широко раскрывая двери, пуская первых встречных молодцов и т. д.? Сие покрыто мраком неизвестности».

После 9-го января естественна была страстность, с которой тов. Ленин (несправедливо, правда, вследствие неосведомленности) нападал на ПК. Важнейшей задачей было организовать штаб революции и не допустить, чтобы революция второй раз уплыла из рук нашей партии.

Это письмо, а также подробные корреспонденции о результатах нашей кампании против комиссии

Шидловского успокоили «старого волка» насчет состояния нашей петербургской организации, которая с изумительной быстротой сумела оправиться и взять движение петербургского пролетариата в свои руки.

«За письмо громадное спасибо, — писал тов. Ленин по поводу комиссии Шидловского. — Вы нас прямо спасаете от заграничных впечатлений. Непременно продолжайте так же. Ради бога, доставайте корреспонденции от самих рабочих. Почему они не пишут? Это прямо позор! Ваш подробный рассказ об агитации К. (комитета) на выборах в комитет Шидловского великолепен. Напечатаем».

А другое письмо тов. Ленина, написанное в ответ на мое письмо о «старом волке», начиналось так: «Дорогой друг! Только что получил № 10 и 11. Большое спасибо, особенно за руготню в № 10. Люблю я, когда люди ругаются, значит, знают, что делают, и линию имеют. Ловко вы отделали «старого волка», он даже от одного чтения почесывался».

Более всего внимание тов. Ленина в этот период сосредоточено на созыве с'езда, который вывел бы партию, или, по крайней мере, большевистскую ее часть, из того состояния чрезвычайной дезорганизации, в которое ее привели меньшевики и примиренцы. И тов. Ленин непрерывно возвращается в своих письмах к этому вопросу, дает ряд указаний, советов, остро критикует действия БКБ, волнуется и нервничает необыкновенно.

Особенно тревожит его тот договор с остатками примиренческого ЦК (большая часть которого была к этому времени арестована), который БКБ с ним насчет с'езда заключил.

«Сию минуту, — пишет он 25-го февраля, — узнал из письма Лядова, что ЦК согласился на с'езд. Заклинаем бюро всеми святыми не верить ЦК и не отказы-

ваться ни за что ни от единой капли своей самостоятельности в созыве с'езда. Бюро не в праве уступать ЦК ни на ноту. Иначе мы здесь подымем бунт, и все твердокаменные комитеты будут с нами. ЦК приглашен на с'езд и пусть приходит с меньшевиками, но созываем с'езд мы, и только мы».

БКБ не могло, однако, отказаться от договора с ЦК, так как часть «болотных» комитетов согласилась на участие в с'езде лишь при условии соглашения с ЦК. БКБ знало, что ЦК в этом вопросе рвет с меньшевистским Советом партии, а это был весьма важный шанс, чтобы дезорганизовать меньшевиков и привлечь на с'езд максимальное число участников.

Тов. Ленин в конечном счете, видимо, скрепя сердце, согласился с доводами БКБ. «О договоре 12/II — 05 не пишу, — писал он в письме от 4/III. — Ругаться тут нечего. Видимо, иначе нельзя было. Вопрос теперь в том, чтоб энергично готовить с'езд и умножить число делегатов».

Эта директива была БКБ, как известно, выполнена, и с'езд был в апреле созван. Меньшевики на него не явились и этим закрепили партийный раскол на целый год.

*
* *

«Революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс 9-го января», так оценивал январские события тов. Ленин в статье «Первая победа революции», писанной 19-го октября 1905 года по поводу царского манифеста 17-го октября («Пролетарий», № 24).

9-го января революция встала на ноги! Наступил праздник революции, — праздник угнетенных и эксплоатируемых. Наступил праздник для тов. Ленина. И в эти знаменательные дни он полон праздничных

настроений. «Мы окажемся изменниками и предателями революции, — пишет тов. Ленин позже в брошюре «Две тактики», — если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь».

И в январские дни, оторванный от этих масс, в далекой Женеве, он показывает, как революционер должен использовать революционную энергию масс. Он кипит в работе, он просматривает десятки заграничных газет, вылавливает из них известия о петербургских событиях, группирует их, сверяет, сличает и сопоставляет с известиями, идущими непосредственно из Петербурга, берет сам на себя черновую техническую работу по составлению сводок революционных событий, комментирует их и одновременно пишет статьи, в которых производит большевистскую оценку выступления петербургских рабочих. Весь № 4 газеты «Вперед», за исключением единственной статьи тов. Ольминского, написан и составлен тов. Лениным. (То же относится и к № 5.)

«Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень, — пишет тов. Ленин в этом номере.—На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ», и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар. Мы должны делать постоянное дело публи-

цистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты».

И тов. Ленин берется за эту работу, вкладывая в нее ту исключительную, неугасимую, неукротимую, ненасытную страстность великого революционера, которая с первых и до последних дней его неутомимой революционной работы горела в нем буйным огнем.

12-го января в статье «Начало революции в России» («Вперед», № 4) он дает ряд выводов и итогов из событий 9-го января.

«Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма», — так начинается эта статья.

«...Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

Именно этот вывод о быстром воспитании масс в огне революционной борьбы тов. Ленин ставит первым, как наиболее важный. Неоднократно впоследствии тов. Ленин проверяет и подкрепляет этот вывод на основе опыта и первой, и второй, и третьей русской революции, постоянно противопоставляя огромное воспитательное значение революции серой, будничной, мучительно-долгой работе воспитания масс в мирные эпохи.

Русскому пролетариату пришлось пройти свою историю по сокращенному курсу, по «конспекту». То, на что

потребовалось пролетариату других стран более столетия, русский пролетариат прошел в три десятилетия, далеко обогнав при этом рабочих других стран. Для парламентского опыта, для длительной кропотливой работы политического развития путем избирательной борьбы и медленного завоевывания социальных реформ он времени почти не имел. От куцой конституции он менее, чем в год, «проскочил» к диктатуре. Ни экономическая, ни культурная отсталость страны, ни тяжелый груз стомиллионного мелкособственнического крестьянства не в силах были помешать революционному разбегу пролетариата, начавшемуся 9-го января 1905 г. И в самом процессе трех революций русский пролетариат получил то боевое воспитание, ту революционную закалку, до которой пролетариям других стран еще далеко.

«Да здравствует революционный пролетариат! — восклицает тов. Ленин в той же статье. — Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента».

Это — второй урок из опыта 9-го января. Всеобщая забастовка, соединенная с вооруженным восстанием, — такой смелый вывод из гапоновского хождения петербургских рабочих к царю, даже после расстрелов, унесших из их рядов сотни убитых и тысячи раненых, можно было сделать только при глубокой вере в революционный инстинкт рабочих масс.

«Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, — продолжает тов. Ленин, — во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию... Отсрочкой только воспользоваться

зуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих».

В этих последних строках предусмотрены задачи партии в связи с тем, что «революция стала на ноги»: 1) «сплочение рядов организованных бойцов», т.-е. развитие и укрепление партийного аппарата и мобилизация его для предстоящей гражданской войны, 2) «распространение вестей о почине петербургских рабочих», т.-е. широкая политическая агитация за массовые выступления, связанные с вооруженным восстанием.

«Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение». Ответ на вопрос: что делать рабочим массам?

«В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу».

В этой постановке вопроса о крестьянстве нет еще ничего нового по сравнению с той постановкой, которую давала наша партия раньше. Но тот факт, что о миллионах крестьянства тов. Ленин заговорил в связи с выступлением городских рабочих, знаменателен и как бы заключает в себе «предчувствие» той будущей большевистской оценки крестьянства и его роли в революции, которая вскоре резкой чертой отделила большевиков от меньшевиков.

«Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры».

Здесь тов. Ленин переходит к вопросу о единых действиях «всех и всяких революционеров». «Соединиться

для общего удара» — такова задача. Но «соединиться» вовсе не значит «слиться».

«Пролетариат, — пишет тов. Ленин, — всегда должен итти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплоатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны итти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны итти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа».

И наконец, в заключение, международная роль русской революции:

«На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира».

Мы видим, таким образом, что все основные вопросы, поставленные событиями 9-го января, нашли в этой статье свое краткое, но еще неразвитое решение. В ближайшие три месяца тов. Ленин проделывает гигантскую работу для раз'яснения, обоснования, развития, детализации этих основных уроков 9-го января.

*
* *

9-го января революция стала на ноги.

Неотложной задачей партии стала проверка прежних ее взглядов, уже на основе опыта 9-го января, на роль пролетариата в этой революции. По этому вопросу,

по вопросу о гегемонии пролетариата в русской буржуазной революции, шла борьба в предшествующие годы с «экономистами» и «рабочедельцами». По этому же вопросу в связи с январскими событиями разгорелся острый спор и с меньшевиками.

«Не успело еще дойти до России, — писал тов. Ленин в статье «Две тактики», — письмо редакции «Искры», где делалось совсем уж сногсшибательное открытие, что в настоящий «исторический момент политическая сцена заполнена (!) тяжбой между организованной буржуазией и бюрократией», и что «об'ективный смысл всякого (слушайте! слушайте!) революционного движения в низах один (!) и сводится к поддержке лозунгов той из двух (!!) сил, которая заинтересована в ломке данного режима» (это демократическая интеллигенция об'являлась «силой»).., как события действительной борьбы пролетариата сразу вымели весь этот политический хлам новоискровских публицистов в сорную яму. Пролетариат показал, что есть третья (в сущности говоря, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой способности) сила, не только заинтересованная в ломке, но и готовая приступить к настоящей ломке самодержавия».

Это писано в конце января, а в первых числах марта т. Ленин уже выдвигает лозунг революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства («Социал-демократия и временное революционное правительство» — «Вперед», №№ 13 и 14).

Он полемизирует против меньшевистской «Искры», обличая ее в боязни «революционной диктатуры простого и черного народа», «революционно-демократической диктатуры низших классов», и характеризует ее позицию, как «реакционный хвостизм». Он нападает на эсеров и на Парвуса — Троцкого за их стремление

«быть революционнее всех», толкающее их к революционной фразе и дешовым лозунгам, и заканчивает свою статью следующей характеристикой предстоящего демократического переворота:

«В этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную двадцатого века арену борьбы за социализм».

Тов. Ленин неоднократно возвращается к этому основному вопросу о руководящей роли пролетариата в революции и дает ряд разнообразных формулировок, в целях подчеркнуть ту или иную сторону дела.

Приведем только одну формулировку из брошюры «Две тактики», которая была комментарием к резолюциям III с'езда и подвела итог всей предыдущей борьбе с меньшевизмом.

Разбирая резолюцию кавказских новоискровцев, которая только откровеннее выразила точку зрения меньшевиков, тов. Ленин так формулирует спор между большевиками и меньшевиками о роли пролетариата в революции:

«До какой степени глубоко расхождение между современными социал-демократами по вопросу о выборе пути, видно сразу из сопоставления кавказской резолюции новоискровцев и резолюции III с'езда Российской социал-демократической рабочей партии. Резолюция с'езда говорит: буржуазия непоследовательна, она

непременно будет стараться отнять у нас завоевания революции, поэтому готовьтесь энергичнее к борьбе, товарищи рабочие, вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство; мы не уступим своекорыстной буржуазии наших революционных завоеваний без боя. Резолюция кавказских новоискровцев говорит: буржуазия непоследовательна, она может отшатнуться от революции; поэтому, товарищи рабочие, не думайте, пожалуйста, об участии во временном правительстве, ибо тогда буржуазия наверное отшатнется, и размах революции будет от этого слабее. Одни говорят: двигайте революцию вперед до конца, вопреки сопротивлению или пассивности непоследовательной буржуазии. Другие говорят: не думайте о самостоятельном проведении революции до конца, ибо от нее тогда отшатнется непоследовательная буржуазия».

Спор с меньшевиками о роли пролетариата в революции протекал в тесной связи с вопросом о временном революционном правительстве, о том, может ли социал-демократия в буржуазной революции принимать участие во временном революционном правительстве. Меньшевики были против, большевики — за. Ответ на этот вопрос революция дала в пользу большевиков, в лице советов рабочих и крестьянских депутатов, которые и явились зачаточными органами новой власти, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Поражение, которое потерпела революция 1905 года, не дало возможности советам обнаружить в достаточной степени присущие этой новой форме революционно-демократической диктатуры особенности. Это стало возможным только после февральской революции 1917 года.

Январское выступление петербургских рабочих, носившее на себе ярко выраженные черты мелкобур-

жуазно-крестьянской идеологии отсталых, политически малосознательных масс, и не могло породить какие-либо зачатки рабоче-крестьянской диктатуры.

* * *

Еще большую страстность вызвал спор с меньшевиками о вооруженном восстании, которое стало перед нашей партией, как насущнейшая задача, немедленно после 9-го января, а практически уже разрешилось на петербургских улицах в этот день.

Спор сосредоточился на двух вопросах: 1) можно ли назначить восстание? 2) должна ли партия подготовлять и организовывать восстание?

Первый вопрос, не потерявший, как мы знаем, своего актуального значения и по сей день, возник в связи с брошюрой тов. Мартынова (тогда принадлежавшего к меньшевикам) «Две диктатуры».

Тов. Мартынов писал в этой брошюре: «Международная социал-демократия на основании исторического опыта и научного анализа динамики общественных сил всегда признавала, что только дворцовые перевороты и пронунциаменто могут быть заранее назначены и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т.-е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее назначена, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается».

«Приходится растолковывать, — отвечает тов. Ленин тов. Мартынову, — что глубокомысленные ссылки на переворот в общественных отношениях при решении практического вопроса о способах свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокиевича. Переворот

этот начался уже с падением крепостного права, и именно отсталость нашей политической надстройки от совершившегося переворота в общественных отношениях делает крах надстройки неизбежным, при чем вполне и вполне возможен крах сразу, от одного удара... Не может быть назначена народная революция, — это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно готовим, и если народное восстание возможно, в силу совершившихся переворотов в общественных отношениях, — вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новоискровцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно слагается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно... несмотря на то, что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди массы данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и раздражения в массе рабочих... «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент».

Дальше тов. Ленин приводит содержащую призыв к вооруженному восстанию прокламацию, которую 9-го января выпустили сами рабочие, захватившие легальную типографию.

Этой революционной инициативе рабочих т. Ленин придает огромное значение, рассматривая ее, как крупнейший шаг в развитии их революционной самодеятельности.

«Призыв петербургских рабочих, — пишет он, — не осуществился и не мог осуществиться так скоро, как они хотели. Этот призыв будет повторяться еще не раз, и попытка восстаний неоднократно может еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими. Приобретение, которое сделано рабочим движением, приведшим к сознанию практической насущности этой задачи и приблизившим постановку ее при любом народном волнении на ближайшую очередь, — это приобретение ничем не может быть отнято у пролетариата».

Такая оценка незначительного на первый взгляд, в общей сумме событий 9-го января, эпизода чрезвычайно характерна для того учения о массах, которое т. Лениным было развито в эту эпоху. Революционная инициатива масс нередко обгоняет революционные партии. Это не раз бывало даже с нашей партией. Поэтому тщательное изучение массовых выступлений, постоянная постановка вопроса, чтò новое выдвинула революционная инициатива масс, есть первейшая обязанность всякой коммунистической партии. И никто этого не делал с таким мастерством, как т. Ленин.

Если вооруженное восстание при определенных условиях назначить можно («восстание должно примкнуть к одному из стихийных движений», говорилось в № 1 «Вперед»), то прямой и непосредственный вывод из этого тот, что партия должна взять на себя подготовку, организацию, назначение и руководство восстанием. Выше мы уже видели, что меньшевики «отговаривались» от этой задачи, подсовывая вместо партии беспартийного генерала, который «первый поведет народные массы в последний бой против царского войска». Кроме этого аргумента «Искра» (№ 85) выдвинула еще один:

«Работа по вооружению пролетариата, — писала она, — по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и единовременность нападения народа на правительство, — это «техническая» задача.

А «Искра» выше презренной техники: «Как ни важны они («технические» задачи), не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию... Все старания подпольных организаций не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием — *жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого, — на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания*».

«Да, да, это действительно глубокая постановка вопроса, — иронически отвечал на это рассуждение тов. Ленин («Должны ли мы организовать революцию?») — ...Центр тяжести не в работе по вооружению и не в систематической подготовке организации, а в вооружении народа жгучей потребностью вооружиться и притом самовооружиться. Какое жгучее чувство стыда за социал-демократию испытываешь при виде этой филистерской пошлости, пытающейся оттянуть назад наше движение! Вооружение народа жгучей потребностью вооружиться есть постоянная и общая, всегдашняя и повсеместная задача социал-демократии, задача, применимая одинаково и к Японии, и к Англии, и к Германии, и к Италии. Везде, где есть угнетенные и борющиеся против эксплоатации классы, проповедь социалиста всегда вооружает их с самого начала и прежде всего жгучей потребностью вооружиться, и эта *потребность* имеется уже налицо, когда *начинается* рабочее движение. Социал-демократии приходится лишь делать эту жгучую потребность созна-

тельной, заставлять испытывающих ее считаться с необходимостью организации и планомерного действия, со всей политической кон'юнктурой. Загляните вы, пожалуйста, г. редактор «Искры», в любое немецкое рабочее собрание, посмотрите, какой ненавистью горят лица по отношению хотя бы к полиции, какие сыплются озлобленные сарказмы, как сжимаются кулаки. Какая сила сдерживает эту жгучую потребность немедленной расправы с издевающимися над народом буржуями и их лакеями? Сила организации и дисциплины, лишь сознание, сознание того, что индивидуальные убийства нелепы, что не настал еще час серьезной, народной, революционной борьбы, что нет подходящей для этого политической кон'юнктуры. Вот почему при таких условиях социалист не говорит и никогда не скажет народу: вооружайтесь, но всегда и обязательно (иначе он не социалист, а пустозвонный болтун) вооружает его жгучей потребностью вооружиться и напасть на врага».

Затем тов. Ленин подходит к русской «кон'юнктуре», создавшейся после 9-го января, когда обезумевшие от ненависти к царизму петербургские рабочие страстно требовали от революционных организаций вооружить их не жгучей потребностью к самовооружению, а оружием.

«Вот в такой-то момент, — пишет он, — когда дан уже, наконец, этот лозунг («к оружию»), «Искра» изрекает: центр тяжести не в вооружении, а в жгучей потребности самовооружения. Разве это не мертвенное интеллигентское резонерство? Разве не тащат эти люди партию назад, от насущных задач революционного авангарда к созерцанию «задней» пролетариата?.. Посмотрите на рассуждения «Искры» «о политически руководящей роли социал-демократии, как авангарда

класса — освободителя нации». «Эта роль, — поучают нас, — не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания». Подумайте только: роль авангарда не может быть достигнута, если нам удастся взять всецело в свои руки проведение восстания! И эти люди разговаривают еще об авангарде! Они боятся того, как бы история не возложила на них руководящей роли в демократическом перевороте, они со страхом думают о том, как бы им не пришлось «проводить восстание». Им мерещится та мысль, что социал-демократическая организация не должна «проводить восстание», не должна стремиться к тому, чтобы брать всецело в свои руки революционный переход к демократической республике... Они не понимают, что чем усерднее мы будем стремиться взять всецело в свои руки проведение восстания, тем бо́льшую часть этого дела мы возьмем в свои руки, и что, чем больше будет эта часть, тем меньше будет влияние антипролетарской или непролетарской демократии».

Это замечательное рассуждение, полностью сохранившее свое практическое значение и для настоящего времени, устанавливает отношение между «политикой» и «техникой», над вздорным разрывом которых у меньшевиков, отзовистов и левых коммунистов тов. Ленин неоднократно издевался.

Чтобы покончить с вопросом о вооруженном восстании, приведем еще выдержку из брошюры «Две тактики».

Тов. Ленин разбирает и сравнивает три постановки вопроса о вооруженном восстании, данные большевиками, меньшевиками и освобожденцами. Вот как он формулирует их:

«Постановка первая. Резолюция III с'езда Российской социал-демократической рабочей партии. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое революционное движение уже привело к необходимости вооруженного восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня, как одна из существенных, главных и необходимых задач партии. Поручено принять самые энергичные меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

«Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении»... вождя русской прогрессивной буржуазии (Струве). Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт — специфические приемы неразумного революционизма. Республиканизм — метод оглушения. Вооруженное восстание — вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело» — массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

«Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача — подготовлять восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления».

«И только?—спрашивает затем т. Ленин.—И только. Стало ли восстание необходимым, — этого новоискровские руководители пролетариата еще не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы, — для них еще не ясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, го-

раздо важнее (в 1905 г., а не в 1902 г.) раз'яснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьезное» значение».

И дальше тов. Ленин производит политическую оценку новоискровской позиции: «Ваша политическая философия, — говорит он, обращаясь к новоискровцам, — оказалась перепевом философии освобожденской», «вы оказались в хвосте монархической буржуазии».

* * *

Мы видели уже, что по поводу гапоновской петиции тов. Ленин еще до 9-го января писал, что она представляет «чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов».

В чем же состояли особенности этого преломления, так заинтересовавшие тов. Ленина?

В том, что это было полукрестьянское преломление. На петиции лежала печать не только реакционной крестьянской веры в царя, но и зарождающейся крестьянской революционной веры в то, что земля «ничья», «божья». В петиции, исходившей от рабочих, имелся пункт: «Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу». В этой неопределенной, нерешительной, «реформистской» формулировке заключалась такая тенденция, которая при тогдашней революционной ситуации, при политическом возбуждении, охватывавшем все классы, неминуемо приобретала революционное значение. Усиление этой тенденции вело к крестьянской революции. Если рабочие массы выставляют такое требование (а мы видели, как внимательно тов. Ленин прислушивался к голосу масс, и как искусно он умел

на одном небольшом факте, на одном заявлении, идущем с «низов», устанавливать переход политического сознания масс на более высокую ступень), если рабочие массы выставляют такое требование, то значит, в стомиллионном крестьянстве происходит революционный сдвиг.

Впрочем, что в крестьянстве начинается брожение, видели все, видело и царское правительство, которое попыталось применить к подымающемуся крестьянству зубатовскую тактику, натравливая его на помещиков и провоцируя нападение на помещичьи усадьбы. Струве в своем «Освобождении» не только подчеркивал начало крестьянских восстаний, но и рекомендовал помещикам определенную тактику, совершенно в духе его рецепта «стать на почву революции», «признать ее цели» и «только изменить ее методы».

«Русская оппозиция, — писал он (в № 67 «Освобождения»), — не только демократическая, но и умеренно-конституционная, должна в настоящий критический момент исходить из того факта, что в стране уже началась аграрная революция. Если так, то единственная, разумная со всех точек зрения тактика состоит в том, чтобы овладеть революцией в самом начале и, признав в существе эту революцию законной, вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы... Аграрная революция началась в России при условиях исключительных и в мировой и в ее собственной истории. В стране существуют социалистические партии и рабочее движение. И социалистические партии и рабочее движение, на которое они влияют, передают и передадут революционную энергию крестьянской массе. Из нужды крестьян, в связи с социалистической агитацией и с социалистическим воспитанием ра-

бочего класса, получится такое движение, с которым было бы бессмысленно бороться».

И затем Струве советует конституционалистам (т.-е. либеральным помещикам и капиталистам) «не терять ни одной минуты». В противном случае они «будут раздавлены революцией». Если же они, «не теряя ни одной минуты», развернут «широкую аграрную программу», то пойдут «во главе революции».

Классовый инстинкт подсказал Струве правильное, с точки зрения помещиков и капиталистов, решение вопроса о крестьянстве. Аграрная революция началась, и вопрос заключался только в том, как широк будет размах этой революции, и за кем революционное крестьянство пойдет,—за буржуазией или за пролетариатом. Это был основной вопрос всей революции. Струве видел, что крестьянство м о ж е т пойти за революционным пролетариатом, и что это придаст революции непреодолимую силу. Струве боялся этого, боялись этого и меньшевики, в частности Аксельрод, пугавший своих сторонников перспективой «восстания о д и ч а л ы х масс».

При таком положении «случайный» на первый взгляд факт включения в петицию рабочих крестьянского требования передачи земли крестьянам имел двоякое значение: во-первых, он указывал на нарождение условий для рабоче-крестьянской революции, направленной не только против самодержавия, но и против колеблющейся между революционным народом и самодержавием, соглашательской, предательской буржуазии. Во-вторых, переход революции на такую классовую основу, как союз рабочих и крестьян, означал вовлечение колоссальных масс, а следовательно, исключительно широкий размах революции.

Вот почему крестьянское преломление в петиции соц.-дем. программы так заинтересовало тов. Ленина. Уже 8-го января тов. Ленин «задумался» над этим новым вопросом. И с этого момента он не оставляет его. С большой осторожностью он подходит к его решению, тщательно взвешивает факты, изучает тенденции, ищет подтверждения и проверки того решения, которое у него складывается. Он беседует с Гапоном и внимательно изучает его, как осколок крестьянской стихии. (Об этих беседах рассказала мне Н. К. Крупская.)

В начале марта (т.-е. одновременно со Струве) он в статье «Пролетариат и крестьянство», повторяя принципиальные основы тех решений, которые были приняты партией по вопросу об отношении к крестьянству, и подчеркивая двойственную (реакционную и революционную) природу крестьянского движения, ставит вопрос об отношении к нему уже несколько по-иному.

«Между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией, — пишет он, — находится слой крестьянства, в положении которого есть черты того и другого из двух антиподов. Общие черты в положении всех этих слоев, всего крестьянства в целом делают, несомненно, демократическим и все его движение, как бы велики ни были те или иные проявления несознательности и реакционности. Наша задача никогда не сходить с классовой точки зрения и организовать теснейший союз городского и сельского пролетариата. Наша задача — уяснение себе и народу действительного демократического и революционного содержания, которое кроется за всеобщим, но туманным стремлением к «земле и воле». Наша задача поэтому — самая энергичная поддержка и подталкивание вперед этого стремления, на-ряду с подготовкой элементов социалистической борьбы и в деревне».

Ново здесь собственно только признание преобладания в крестьянском движении революционности над реакционностью. Обстановка после 9-го января стала складываться по-новому, на историческую арену стала выступать четвертая сила — крестьянство, об'ективные причины толкали его на аграрную революцию. Это коренным образом меняло прежнее соотношение классов в революции. Приходилось выбирать между крестьянством и крупной буржуазией с помещиками. И понятно, что большевики избрали крестьянство, а меньшевики — буржуазию.

С этого момента между большевиками и меньшевиками легла непроходимая пропасть, и на этом именно вопросе мы по существу и порвали с ними.

Неудивительно, что после такой постановки вопроса о крестьянстве тов. Ленин в следующей статье «Соц.-дем. и временное революционное правительство» выдвигает лозунг «революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

В начале апреля тов. Ленин в статье «Маркс об американском «черном переделе» («Вперед», № 15) дает еще более резкую формулировку:

«Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически сознательным и классово определенным, толкать его дальше, итти вместе с ним, рука-об-руку, до конца»...

На III с'езде тов. Ленин не раз повторяет ту же мысль и, в частности, говорит так: «В настоящее время крестьянское движение, несомненно, является революционным. Говорят: после захвата земли крестьяне успокоятся. Возможно. Но самодержавное правительство не может успокоиться на крестьянском захвате земли, и в этом вся суть. Санкционировать этот захват сможет только революционное правительство или революционные крестьянские комитеты».

Здесь революционный характер крестьянского движения и особенно захвата земли подчеркнут еще сильнее.

В брошюре «Две тактики» тов. Ленин дает дальнейшее развитие этих мыслей. Из многочисленных формулировок остановимся только на одной:

«Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот неспособен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на-ряду с пролетариатом».

Это уже законченная большевистская формулировка. И после манифеста 17-го октября тов. Ленину не остается ничего, как повторить ее.

«Революционный пролетариат, — пишет он в статье «Первая победа революции», — привел к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревню... Успех революции зависит от размеров тех масс пролетариата и крестьянства, которые поднимутся на ее защиту и за ее окончание».

*
* *

Трехмесячный период между 9-м января и III с'ездом был заполнен лихорадочной работой всей большевистской части нашей партии. Партия производила спешную мобилизацию своих сил и готовила себя к серьезнейшей и труднейшей задаче организовать революцию, вооружить ее и взять в свои руки руководство ею. Теперь, когда оглядываешься назад, более всего поражает, что за такой краткий период, в труднейших условиях нелегальной работы, в острой борьбе с дезорганизаторской работой меньшевиков, ей удалось в основном закончить эту работу. Были выpешены все основные вопросы, были разработаны стратегические планы борьбы, была выработана тактика, были сформированы новые отряды «новобранцев». В недостаточной степени лишь была проделана работа по «вооружению» революции. «Техника» отставала от «политики».

III с'езд закрепил в своих решениях ответ на все вопросы, которые поставили январское выступление петербургских рабочих и последовавший за ним ряд выступлений в других городах. III с'езд явился ответом на 9-е января.

III с'езд оформил самостоятельное, независимое от меньшевиков, существование нашей партии, и хотя позже, в 1906 г., эту самостоятельность нам сохранить не удалось, все же III с'езд положил начало той ленинской, большевистской партии, которая стала основным рычагом пролетарских революций.

Наконец, III с'езд открыл новый путь для всех будущих революций, установив для них, как основную стратегическую директиву, — союз пролетариата с крестьянством. III с'езд «изобрел» новый тип революций.

Вот почему источников большевизма надо искать в событиях 9-го января, выводы из которых были закреплены в резолюциях III с’езда.

До 9-го января различие между большевиками и меньшевиками, несмотря на жестокую взаимную борьбу, не было значительным. События 9-го января подвели классовую базу под эту борьбу. И если в 1906 г., вследствие запоздания крестьянских резервов, пошедшая на убыль революция толкнула нас к миру (к очень плохому миру) с меньшевиками, то начавшееся вскоре новое расхождение с ними пошло по тем же линиям, которые наметились в период между 9-м января и III с’ездом. «Водораздел» между большевиками и меньшевиками остался тот самый, который установили между ними события 9-го января.

9-го января революция встала на ноги. И вместе с нею встала на ноги и наша большевистская партия. Тов. Ленин стоял во главе ее и твердо вел ее по новым революционным путям.

